

Герольд БЕЛЬГЕР

О, КАЗАХИ МОИ!..

(триптих, окончание)

ПРОГУЛКИ С АБЕКЕ

«Әбеке» у казахов пруд пруди. В данном случае я говорю о покойном Абилямжиге Жумабаеве. Надеюсь, его еще многие помнят. Небольшого роста, светлицы, доброжелательный, неизменно деликатный, вежливый, абсолютно неконфликтный, глубокий знаток литературы, радетель казахского языка, рассудительный, спокойный, иногда по-детски наивный, блистательный переводчик русского и

зарубежной прозы на родной язык.

Таким я его знавал и воспринимал без малого пять десятилетий.

Ну конечно, я знал его как инструктора ЦК КПК, как многолетнего директора издательства «Жазушы», как руководителя «Книжной палаты», как сотрудника популярной газеты «Туркестан» и т. д.

От него всегда исходил добрый свет. Скромность, доступность, порядочность его поражали. Ни в чем нигде не выпячивал себя, держался в тени, не кичился интеллектом. При всей своей природной умеренности в принципиальных вопросах стойко отстаивал прогрессивные взгляды. Будучи из бедной кзылординской глубинки, он обладал аристократическим достоинством.

К концу жизни он обосновался по соседству со мной, в квартире на первом этаже, куда никогда не падало солнце (говорил: «қақап тұр»), и мы почти ежедневно встречались на аллее возле памятника Чокану и вели неторопливые беседы о литературе, об издательских делах, о современной журналистике, о книжных новинках, о литераторах, ушедших в мир иной, о политике, о положении Казахстана.

Он был старше меня, много пережил, перевидел, перечувствовал, знал именитых казахов двух-трех поколений, о всех предпочитал говорить хорошо, высоко, с восхищением, никогда не осуждал и не перемывал все чьи-то косточки.

Что и говорить, милейший был человек. О таких говорят: муху не обидит.

Ходил бодро, быстро, легко, чертил большие и малые круги, наносил визиты вежливости памятникам Чокану, Джамбулу, Пушкину, Шевченко поблизости, пока его компаньоны отсиживались на скамейках, часто сопровождал его любимый внук Жанибек, который с малолетства удивлял-умилял своими разнообразными познаниями и фантазиями.

Слушать Абеке было неизменно приятно, а беседовать трудно: он был почти глухой. Приходилось говорить на пределах голосовых связок, склонившись то к одному, то к другому уху.

– Оу, Гереке, осы орыс әдебиетінде қазір кімдер қалды? («Кто остался в современной русской литературе?»)

– Е-е... барғой, Әбеке... – отвечал я не очень уверенно. – Только мы ведь не всех знаем... Как обрели все свободу и независимость, так каждый и бытует в своем закутке.

– А, солай ма? Может, и так. Но, кроме Распутина, кого можешь назвать? Шукшин ушел, Белов ушел, Астафьев ушел. Можаев, Солженицын, Вампилов,

Солоухин, Яшин, Абрамов. Е-е-е... не всех упомяну... ушли. Из поэтов ушли Твардовский, Соколов, Окуджава, Вознесенский, Ахмадулина, Рубцов. Кім қалды езі? Ну, назови хоть кого-нибудь.

– Еще есть Бондарев, Евтушенко, Крупин, Битов... Маканин... м-м... Прилепин, Жуков, Шишкин... Акунин, Удальцов, Толстая...

Я запнулся, не мог сразу вспомнить, пожалуй, еще косой десяток. Действительно, список получился скудным, жидким.

– Е-е... Бондарев под девяносто. Евтушенко в Америке сидит. Акунинді адам оқи алмайды. Остальных и не знаю. Они только премии получают, буке-ры-мукеры, а что пишут – құдай біледі. А о хатунах и не говорю. Это не литература, а коммерческий секс.

Молчим.

Вспоминаю критические заметы в русской печати. Мол, положение русской литературы в нынешнем обществе действительно плачевно. Да-а... шедевров за последние двадцать лет не появилось. Кто-то продолжает хорошо относиться, выдавать желаемое за действительность, но это только подчеркивает неприглядное положение литературы.

Да, подобные суждения мелькают всё чаще на страницах русской периодики. Думаю, нечто схожее характерно и для других национальных литератур.

– Из российских немецких писателей кроме тебя кто-нибудь остался? – прервал молчание Абеке.

– Из членов Союза писателей Казахстана я остался один.

– Эне! Я ведь помню Нору Пфеффер, павлодарку Нелли Ваккер. Еще Эльзу Ульмер. Консультантом была. Е-е... из Акмолы был редактор немецкой газеты.

– Дебольский, – подсказываю я.

– Ия, Ия... Бородатый крепыш. Приятный был человек. Участник войны. Почему-то у него было несколько фамилий. Может, разведчик был?.. Еще один писатель-немец был из Шымкентской области.

– Реймген Александр.

– Ия, ия... Я еще издавал его книгу. Кажется, ты переводил?

– Да.

– И что? Всех их теперь нет?

– Кто умер, кто уехал. Тыж-пыж! Но литература российских немцев пока еще тлеет в Германии. И я иногда пишу рецензии и обзорные статьи. Жағдай швах! Но қыбыр-жыбыр есть.

– Қиын болған екен. Грустно... Вообще толком ничего не знаем. Не ведаем, что творится в соседних странах – Киргизии, Узбекистане, Туркменистане. И с русскими былой связи нет. А как мы гордились братскими отношениями с Мустаем Каримом, Кайсыном Кулиевым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Чингизом Айтматовым, Михаилом Дудиным.

– Да, Абеке, была такая золотая пора. Литература, писатели были востребованы. Люди читали, восхищались.

Опять молчим, погруженные в воспоминания. Апырай, еще совсем недавно всё это было: дни национальных литератур, творческие встречи, семинары, многоуровневые контакты, взаимные переводы, выездные секретариаты, тематические пленумы, юбилеи, фантастические тиражи, гонорары. И всё вроде в тартары провалилось. По инерции кое-что еще, случается, проводится, но смак явно не тот. Одни потуги. И впечатление такое, будто никто никому уже не нужен.

– А за рубежом то же самое? – спрашивает Абеке.

Он с некоторых пор отпустил бороду, усы, серебристые, аккуратные, обрел очень благообразный вид, наверное, так смотрелись в древности суфии, вы-

учил несколько молитв, совершает намаз, соблюдает уразу, в речь вплетает архаичные слова и обороты.

– Кто знает. Вроде в порядке. Есть мощные латиноамериканские, японские, европейские литературы, много издательств, друг друга переводят. Много модных имен.

– Ты Памука читал?

– Какие-то отрывки. Но меня, если честно, они не впечатлили.

– А я прочел два его романа. И тоже остался в недоумении. Что за литература? И почему ему дали Нобеля?

– Захотели – дали. Скорее всего, по каким-то политическим мотивам. Нобеля, чую, дают отнюдь не за литературные достоинства.

– Солай шығар. Памук меня сильно разочаровал.

– А я Коэльо читать не могу. Не дорос, что ли?.. А из казахских писателей кто, по-вашему, достоин Нобелевской премии?

Абеке помолчал, замедлил шаг, остановился, внимательно на меня посмотрел, как бы соображая, соглашусь ли я с ним.

– Возможно, Абеке, – ответил осторожно.

– Какой Абеке?

– Ну, Абдижамил Нурпеисов. «Кровь и пот», сам знаешь, крепко сработанная вещь. Могли бы и дать. Многожды издавалась на казахском и русском языках. Редактировал основательно раз десять. Создал канонический текст. Трилогия переводилась на разные языки. Высоко оценена критиками... Не так разве?

– Но я, Абеке, разве спорю? Но... ныне громоздкая трилогия смотрится, боюсь, как нечто архаическое. Да и тональность, стилистика не стыкуются со временем.

– Солай ма? А я слышал, русские, немцы, французы, шведы выдвинули Абеке на Нобеля.

– Кто сказал?

– Сам Абеке. Говорит, надо бы обязательно перевести на английский. Вроде подыскивает спонсора.

– Найдет... А еще какие кандидатуры?

– Еще... еще... Может, Абиш... Магауин... Олжас... Как полагаешь?

– Не возражаю. Абиш, однако, свой талант унизил, сидя во власти. Магауину, думаю, не хватает международного признания. Ну, а Олжасу Нобеля надо дать за его этимологические исследования, зажмутив один глаз. Вряд ли Шведская академия его поймет.

– Хм-м... Интересно... Дать не глядя?

– Да. Дать, и всё.

Абеке всё чаще косится на часы. Знаю, ему надо еще завернуть в хлебный магазин, зайти в шахматный клуб за Жанибеком, по пути купить ему мороженое.

– Абеке, вижу: вы торопитесь. У вас цейтнот. А нам не мешало бы малость покалякать о делах-делишках казахской литературы.

– Отложим, Гереке, на завтра. И завтра ведь будет день. Солай емес пе?

– Болсын... Согласен.

...Я не считаю себя знатоком казахской литературы, но я ей не чужак. Кое-что кумекаю. Как-никак окончил казахскую школу, говорю и пишу по-казахски, перевел с казахского на русский язык уйму прозы, всю сознательную жизнь варюсь в казахском литературном казане, тесно общаясь с большинством казах-

ских писателей двух-трех поколений. С Мухтаром Ауэзовым я ни разу за руку не здоровался, хотя и видел, и слышал его, со всеми остальными корифеями и некорифеями, классиками и неклассиками был и поныне нахожусь в общении. Это я к тому, что имею право на суждение о ней, о қазақ әдебиеті, хотя и являюсь атасы басқа, т. е. иного рода-племени.

Так скажу, как на духу: о казахской литературе я весьма позитивного мнения, и в семье так называемых братских народов СССР и СНГ она занимает достойное место. Перечислять здесь выдающихся казахских литераторов не стоит: они ведомы народу, их знаю и я.

Но...

Моя точка зрения такова: с обретением свободы и независимости, в чем вклад – не только существенный, а поистине неоценимый – абсолютно очевиден, литература стала вдруг менее востребованной, её как бы отодвинули, отстранили от общественного бытия, значимость её по всем параметрам упала, реноме поблекло, роль писателя в сознании народа и в представлении власти явно померкла, и писатели обрели бледный вид, лишились былой славы и гордости, рынок изгнал их из литературно-художественного процесса, из социально-политической надобности.

И всё пошло косо-криво. Появились попрошайки, служанки, придворные акыны-одописцы, приспособленцы-жопеке, дельцы-юркачи, охотники за премиями, значками, титулами, медалями и орденами.

Дух свободы и гордости, чести и достоинства мимикрировал.

Именно так я ощущаю то, что ныне происходит в литературе. Не только в Казахстане – везде.

Хочу верить, что наступит новая волна, десятилетиями, столетиями накопленные инерция и традиции бесследно не исчезнут, никакое общество без литературы не обойдется, ибо именно она являет собой двигатель искусства.

Не стану спорить, если скажут, что поелику такое и случится, то это будет другая литература.

Да, другая – и по содержанию, и по форме.

Я иногда пишу рецензии-отзывы на понравившиеся мне казахские произведения (и не только беллетристики), высказываю (большей частью умеренно) свои мнения-суждения, случается, не всегда глажу по шерсти, и реакция сказывается незамедлительно. Скажем, называю на свой салтык шесть самых-самых прозаиков и столько же поэтов. Но уже на другой день обрушиваются на мою голову ушаты нареканий. «Эй, ты почему Паленшеева не назвал?! Запомнил, что ли? А Тугеншеева почему не упомянул?! Он что, хуже тех, кого перечислил? Масқара!»

Или: «Эй! Ты почему не включил в свой список Туманбая, Жумекена, Сабырхана?! Чем они провинились перед тобой?! Стыд! Позор!»

Или: «А почему поэтесс обошел?! Почему не расширил свой список до священной семерки?! Попроси прощения!»

Или: «И вообще кто ты такой, чтобы казахских поэтов по таланту определять, по немецкому ранжиру выставлять?! А? Қарай гөр, білгір нашелся!»

И вот я задумался. Зачем, в самом деле, мне гусей дразнить? Зачем наступать на хвост дремлющей змеи? Одного назовешь – десятеро обидятся. В бутылку полезут. На дыбы встанут. Шерсть на загривке встопорчат.

Говорю: да ладно. Не кипятитесь. Я ведь не Бог. И не прокурор. Выскажи свое мнение, объявляй свой список и утешься. Вольному воля! Я не указ! Назови, кто твоей душе мил – и вся недолга.

Старая истина: всем не угодишь. Тем паче казахам. Казах предпочитает, чтобы первым прискакал стригунок своего аула, а не призовой скакун соседа.

Вспомнился случай. Был такой критик, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», обаятельный человек Леонид Теракопян. Он симпатизировал казахской литературе, приезжал в Алма-Ату, встречался-подружился с писателями, намеревался написать серию статей о казахских романах.

Не тут-то было.

Едва успел Леонид Арамович вернуться в Москву, как его захлестнул поток зубодробительных, подметных писем. Дескать, не с теми встречался, не о тех собираешься писать, не тех намерен печатать, Паленшеев – бяка, Тугеншеев – кака, казахская общественность твои намерения осуждает. Вы попали в ловушку интриганов. Одумайтесь!

Леонид Арамович одумался. Сбитый с толку столь гневными кляузными и доносами, всецело переключился на литовскую литературу. Там, оказалась, ментальность иная.

Помню я и грязную возню, когда Ильяса Есенберлина выдвинули на Ленинскую премию. Поднялся цunami ненависти и наветов.

А вот пример из личного опыта. После окончания аспирантуры (1963 г.) тогдашний главный редактор процветающего литературного журнала «Жұлдыз» Абдижамил Нурпеисов взял меня на работу в качестве литсотрудника отдела казахской прозы. Меня сразу завалили забракованными, негодными для печати рукописями. Их надо было читать, отрецензировать, писать вежливые, деликатные отказы.

Мне эта рутинная работа совсем не понравилась. Я настроился на научную, преподавательскую стезю. Читать чьи-то малограмотные, беспомощные измышления было мне в тягость. А меня усердно пичкали явной халтурой.

На мои ответы-разборки вскоре поступили «домалақ арыз» – «жалобы-колобки». Дескать, кто такой Бельгер? Что он потерял в казахском журнале? Кто его уполномочил судить-рядить наши произведения?

Меня это обескуражило.

Ответсекретарь журнала, умница, поэт Кадыр Мырзалиев дал мне разумный совет. «Во-первых, ты всю эту бодягу от начала до конца не читай. Прочти три страницы с начала, три с середины и три – с конца. И уже всё ясно. Смело пиши ответ. А, во-вторых, письма свои подписывай не Герольд Бельгер, а на казахский лад, скажем, Керей Белгібаев».

Мне сразу стало легче. Я быстро управился с кипой никчемных опусов. И жалобы-колобки прекратились. «Бельгер», видно, кое-кого раздражал, а со своим «Белгібаевым» никто уже спорить не стал.

А в редакции и в Союзе писателей меня приняли хорошо, ласково, доброжелательно, как в родном ауле. «Старики» благословляли меня, подбадривали, молодые поддерживали. Напомню, в каком коллективе я тогда работал: Аскар Сулейменов (наши столы стояли впритык), Зейнолла Сериккалиев, Кадыр Мырзалиев, Сабырхан Асанов, Саги Жиенбаев, Сансызбай Саргаскаев, Амантай Байтанаев, Абдижамил Нурпеисов. А секретарем Союза писателей тогда был мудрый и благородный Габиден Мустафин.

С добрым сердцем и благодарностью всех вспоминаю.

...Всё, что я здесь вкратце изложил, я подробно и красочно поведал на очередных прогулках моему Абильжамину Жумабаеву.

То время и тех знатных людей он и сам прекрасно знал, но слушал внимательно, переспрашивал, уточнял, хмыкал, улыбался и в конце заметил:

– Ия, солай! Так всё и было. Знаю, помню. Всё и все стоят перед глазами. Славное было время. И люди были все как на подбор. Сайдың тасындай!

– Айтатыны жоқ, Әбеке! Они украшали, облагораживали нашу жизнь.

В наших вольных беседах прозвучали многие имена. Конечно, всех 700 членов Союза писателей мы упомянуть не могли, однако с теплотой, душевно говорили о Тахави и Калтае, о Кадыре и Туманбае, об Аскаре и Зейнулле, о Темирхане и Иран-Гаипе, об Олжасе и Мурате, о Галыме и Серике, о Назикен и Аккуштап, о Камале и Шерхане, о Такене и Тынымбае, о Турсыне и Амангельды...

– А я еще всегда читаю Кабдеша. Ничего не пропускаю. Художник! И язык богат.

– Согласен.

– Люблю Абиша. Голова! Талант! Сейчас он избавился от всех государственных дел. Наверняка пишет какой-то шедевр.

– Боюсь, силы его покинули. Литература ведь – дама капризная. Её надо любить, ласкать, лелеять каждый день. Она не переносит никаких измен.

– Акселеу был уникам. Его уход – загадка. Много знает и Кул-Мухамед. Энциклопедист! Я удивляюсь его русскому языку. Где и как научился?! Ғажап!.. И Магауин – глыба!

– Словом, Абеке, казахскую литературу никто хоронить не собирается. Так? Если оглянуться, и поэтами казахи не оскудели, и в прозе есть крепкие перья, не будем вытирать рот сухой травой, а вот драматургия и критика ныне не блещут. Согласны?

– Ну да... Сам знаешь. Особенно хвалиться нечем. Отдельные потуги погоды не делают.

Абеке нахмурился, по привычке пощипал-подергал сивую бороденку. Он озабочен тем, что и переводчики, знатоки казахского речестроя, поредели. Нынешние молодые хорошо знают русский язык, всеместно овладевают английским, кто-то напрямую переводит с немецкого, испанского, японского, а родным владеют поверхностно. Переводы не играют, живости в них нет. Обескровленные, шершавые тексты. Беда с языком!

– Ты заметил, я со своим внуком Жанибеком разговариваю только по-русски. Так получилось. Мать его, моя дочь, еще кое-что по-казахски понимает, а этот мой айналайчик ни бум-бум. Горько...

Молчим.

Знаю эти проблемы во многих казахских семьях. И в семьях российских немцев. И в других. Одни евреи, кажется, не делают трагедии из того, что говорят и пишут на чужих языках. Поразительно: языки разные, а национальная суть одна.

Чертим за кругом круг, бродим, постукивая палками, по аллейке вверх и вниз. Чокан в глубокой задумчивости уперся взглядом в импозантное здание бывшей Академии наук. Какие-то прохожие почтительно здороваются с нами, расспрашивают про амандық-саулық, просят вместе сфотографироваться. В стройных елях резвятся воробьи, на все лады заливаются скворцы.

– Ал? Сонда? Әлеке... – продолжаю я беседу. – Чего же, по-вашему, не хватает ныне казахской литературе?

– Енді... сам знаешь... – медленно отвечает Абеке. – Даже не знаю, как сказать. Не хватает... е-е-е... гражданской напористости, четкой направленности, востребованности, сознания своей необходимости... е-е-е... профессионализма, наверное... восприятие Слова как священную службу... Но всё это слова, слова... Может, дар улетучился? Может, вдохновение пропало? А может, нужда

в литературе отпала? Құдай біледі! Всё вроде есть, а былого огня-жара нет. Может, старость сказывается? Жизнь как бы пресной стала...

На старость Абеке жалуется всё чаще. Из сокурсников только двое нас осталось. А в ауле из прежних жителей ни одной живой души. Никто отца не помнит. И меня – тоже.

И еще то и дело говорит:

– Е-е-е... Гереке... уже восемьдесят пять лет мне стукнуло. Какой с меня спрос? Жизнь вся в прошлом.

– Ну как же, Абеке, восемьдесят пять?! Вы же 27-го года рождения.

– Не дейді?! Сколько же тогда мне?

– Ну, восемьдесят два... или восемьдесят третий...

– Не дейді?! А я думал, больше. Какая разница – два-три года туда-сюда?!

– Вам, Абеке, нужно еще мемуары написать.

– Пробовал. Не идет. Значит, не надо. Кому нужен бред старика.

Рассказчик Абеке любопытный. Я люблю слушать его живые воспоминания о детстве в Кызылординском краю, о детских шалостях и забавах на берегу строптивой Сыр-Дарьи, о лишениях в годы войны, о том, как он подростком работал в ауле почтальоном и разносил «қара қағаз» – черные уведомления-извещения с фронта, как поступил в университет, какие мытарства перенес в студенческие годы, какие интриги клубились вокруг на литературной службе. Он был ведь активным свидетелем целой эпохи. Рассказывал красочно, плел искусно узоры словес.

– Я вполне разделяю ваше, Абеке, мнение о явственных недостатках современной казахской литературы. Это общие признаки. А я хочу сказать о конкретике.

– Ну, и? – востропнулся Абеке.

– Помните литературные обзоры Белинского? Огромные картины, воссоздающие состояние литературы по годам?

– Конечно, помню. И цикл статей о Пушкине. Целая книга.

– Вот-вот! Ныне литературные обзоры сошли с арены. Ранее их писали Мухамеджан Каратаев, Серик Кирабаев. Кто еще... Айкын Нуркатов, Сагат Ашимбаев. Ныне разве один Кулбек за эту традицию ратует...

– Ну да! Чтобы написать годовой обзор, сколько же нужно перелопатить и осмыслить разных произведений?! А тут еще взяли в моду не платить ни копейки.

– Это так! По молодости я писал такие обзоры по литературе российских немцев. Уйму времени угробил. Книг шесть-семь написал. Машақты көп шаруа! И всё, считайте, даром. Какие-то книги за свой счет издал. Ужас!

– Кому охота ныне такие обзоры писать!..

– То-то и оно!

– Очень уж хлопотное дело.

– Не только. Это очевидное свидетельство того, что нет определенного литературно-художественного процесса.

– Не дейді?!

– Да, я так считаю. Нет процесса. Есть частности. Разрозненные, спонтанные, случайные. Нет направления. Магистрального русла. Есть множество ручейков, которые разливаются по бескрайней степи и пустыне. Нить, связующая таланты, судьбы, жизни, духоустройство, не просматривается. Порвана. Размыто что-то очень важное, объединяющее, одухотворяющее.

– Ну, и как мы нащупаем эту таинственную нить?

– Сам не знаю. Нужен какой-то сильный импульс. Качественный скачок.

– Апырай? Қиын екен!.. Вечно усложняешь...

Абеке по-прежнему старался ходить бодро, но быстро уставал, жаловался на плохой сон, всё чаще присаживался на скамейку, задремывал, и мой сосед Карпык заботливо провожал его до дому.

На вопрос: «Әбеке? Хал қалай?» отвечал: «Құдай деп!»

Потом прибежал к другой формуле ответа: «Е-е-е... Шықпа, жаным, шықпа», в смысле: «Душа, держись-крепись», или: «Еле-еле душа в теле».

Позже загадочно изрекал: «Жықпа-жығылма». То есть: «Не вали – не падай». Половина фразы относилась к Творцу, вторая половина – к себе самому. Творца просил, себя бодрил.

Ушел он неожиданно, тихо и скромно.

Святой был человек наш Абеке!

Поредевшие его компаньоны по прогулкам возле памятника Чокану с благоговением вспоминают его.

Я рад, что знавал его и был его многолетним собеседником.

26.05.2014

ОЛЖАС

Олжасов в Казахстане – море.

И Сулейменовых – пруд пруди.

А вот Олжас Сулейменов – один.

Не один – один-единственный.

Бірегей!

Избранник земли. Любимец судьбы.

Для своей нации он совершил потрясающе много.

Как поэт. Как историк. Философ. Публицист. Этнолог. Лингвист. Деятель.

Политик. Гражданин.

И во всех этих ипостасях он уникален, самодостаточен. Я, знающий его более полувека, в состоянии раскрыть все его грани и масштабы.

О, да... не всем его таланты по нутру.

В завистниках, недоброжелателях, хулителях его недостатка никогда не было. И в молодости, и поныне.

Но он шел и идет тернистой, гордой стезей, определенной Тенгри и Тагдыром-роком.

Судьба одарила его всем щедро: талантами, статью, умом, страстью, волей, напористостью, зоркостью, дерзостью.

Он ярко олицетворяет вольный дух своего народа.

И народ гордится им. Его избранничество признают и мелкие пендешки.

Да, в его незаурядной личности – если покопаться – можно найти изъяны. Но поэта они красят. Он ведь тоже соткан – как говорят казахи – из костей и мяса. И витает он не в облаках, а обитает на грешной земле.

Есть – по-немецки выражаясь, Flohknacker – «ущемители блох», которые его изъяны находят и злорадно педалируют.

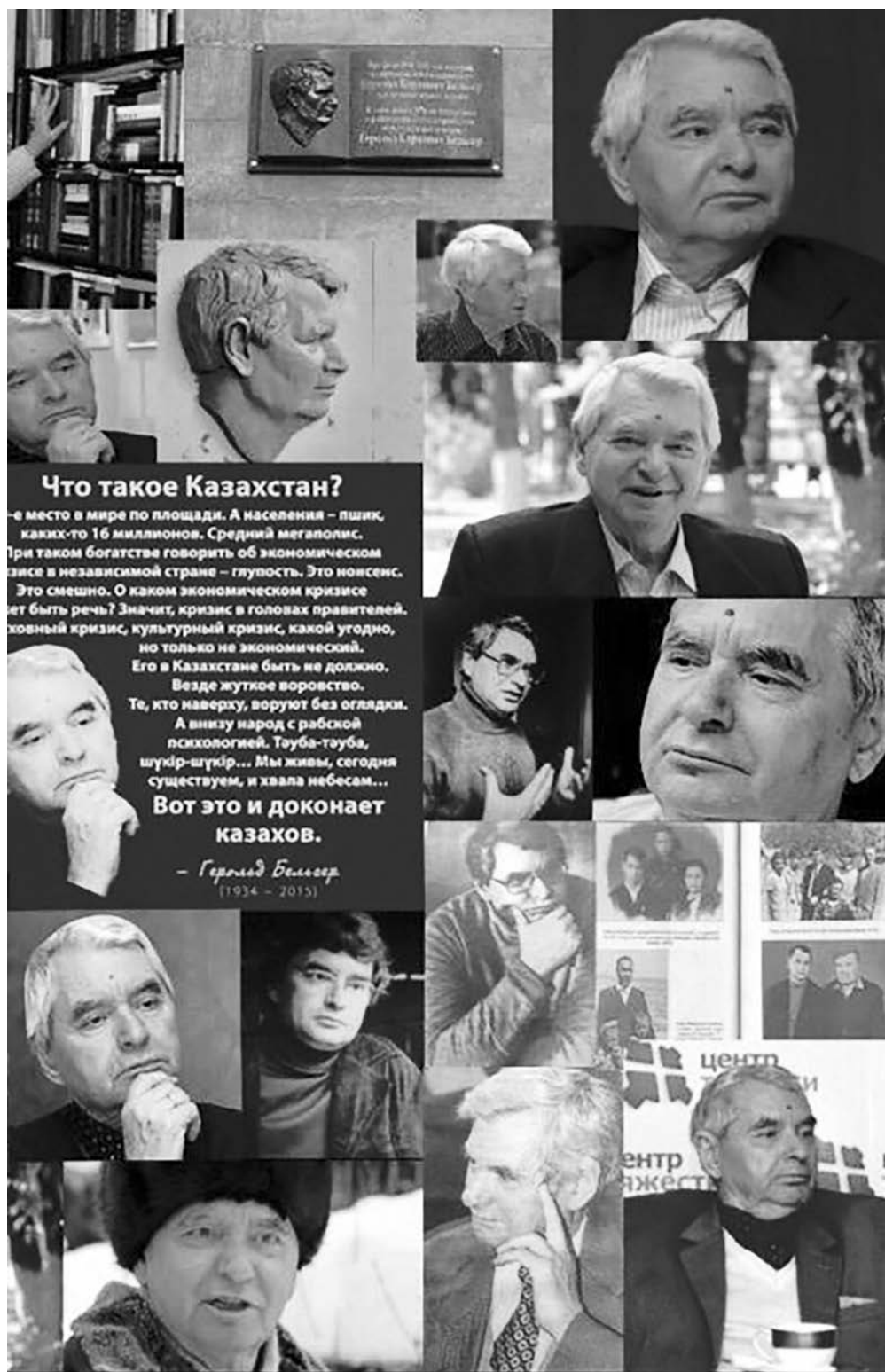
Почему-то такие, парадоксальным образом, преобладают среди казахов. Не самых объективных.

Тщетные потуги!

В ряду великих казахов Олжас бесспорно занимает свое гордое и индивидуальное место.

Так я его воспринимаю. И – полагаю – я прав.

Автор коллажа Юлиана Ковалёва